

Василий Лягоскин

Великолепный век

Четвертая история из цикла «Ах, уж эти мужики!»

Василий Лягошкин

Великолепный век.

**Четвертая история из цикла
«Ах, уж эти мужики!»**

«Издательские решения»

Лягошкин В.

Великолепный век. Четвертая история из цикла «Ах, уж эти мужики!» / В. Лягошкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851287-2

Знаменитый турецкий сериал про Роксолану был одним из любимых фильмов Валентины Кошкиной. Ее новые подруги — царственные элинки Кассандра и Пенелопа, русская княгиня Ярославна, озорная арабская принцесса Дуньязада и гордая венецианка Дездемона — не успели окунуться в удивительный мир Великолепного века, в его кинематографическую реальность. Ну, что ж! Их ждет реальная Роксолана, и век могущества Османской империи. Вот только так ли он великолепен, как в фильме?

ISBN 978-5-44-851287-2

© Лягошкин В.
© Издательские решения

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	10
-----------------------------------	----

Великолепный век

Четвертая история из цикла «Ах, уж эти мужики!»

Василий Лягоскин

© Василий Лягоскин, 2017

ISBN 978-5-4485-1287-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Будь осмотрителен – судьба-злодейка рядом!
Меч времени остер – не будь же верхоглядом!
Когда судьба тебе положит в рот халву, Остерегись – не ешь;
в ней сахар смешан ядом!¹*

– При чем тут яд?! – первой воскликнула Дуньзада, облизывая языком Валентины ее же губы – после долгого и сладкого поцелуя, – твои губы, о, Николаич! – слаще всякой халвы!

Удивительно, но Кошкин, кажется, услышал крик нежной души арабской принцессы. Он самодовольно ухмыльнулся, и даже попытался по-гусарски поправить пальцем кончики усов, которых у него никогда не было. А более практичная Пенелопа закатывать глазки (тоже Валины) не стала; она задала вопрос, ткнув пальцем в людей, толпящихся у дверей роскошного номера, по центру которого и стояла кровать с возлежащей на ней Валентиной:

– Может, про яд – это к ним относится? Кто это такие?

– Это высший цвет венецианской знати, включая самого мэра, – поспешил ответить Николаич.

– И что им нужно? – буркнула Валентина; и тут же сама ответила, после подсказки дочери Приама, – пришли выразить почтение, и это... как его? Соболезнование по поводу прискорбного случая с гондолой и незапланированным купанием? Водичка-то холодная была!

Кошкина даже кашлянула пару раз, скорчив прискорбную мину. Это опять подсказывала Пенелопа: «Сейчас мы этих ребят заставим раскошелиться...». Валентина была не против; хотя никакой материальной поддержки семье Кошкиных не требовалось. Ведь в ладошках у нее сейчас были зажаты подлинные сокровища; в правой – кредитная пластиковая карта, в которой утонул бы, не вызвав особого возмущения, весь бюджет Венеции. Левая ладонь судорожно стискивала золотую пластинку со скалящейся тигриной мордой.

– Пайцза! – вспомнили сразу шесть красавиц, – сувенир от Чингизхана. Ни за что не отдадим! А... где шпага с молотком?

Добыча из далекого прошлого лежала рядом, на прикроватной тумбочке. Валентина Степановна огладила взглядом прежде всего клинок, так выручивший ее в последнем путешествии; перенесла капельку той хищной радости, с какой вонзала его в грудь монгольского министра, на толпу у дверей, и та устрасилась, попыталась было юркнуть за двери. Может, слава гораздой на выдумки и готовой на любые проделки русской «олигархини» добралась и до этого приморского городка? Первым опомнился мэр – круглощекий и лысый толстячок, подскочив-

¹ (Рубаи Омара Хайяма)

ший к кровати с грациозным (насколько позволяло пузо) поклоном. Из него водопадом полились слова, явно заготовленные заранее. Мэр словно отрабатывал сейчас роль, отрепетированную перед зеркалом.

*Будет прав, кто театром наш мир называет
Все – мы куклы, а кукольник – сам небосвод
Но в конце бытия он нам даст порезвиться
И в сундук одного за другим уберет.²*

Свита действительно сейчас кивала головами, как куклы. Мэр-кукловод порезвиться им не позволил. Ни один из них не промолвил ни слова: не смог бы втиснуть даже возгласа в бесконечную тираду городского главы. Сама Валентина из нее поняла, благодаря обретенному знанию итальянского языка, что мэр не только горячо извиняется за инцидент, но и обязуется (силами всего города – в этом месте «куклы» закивали особенно интенсивно) устроить для четы Кошкиных настоящий праздник души и тела.

– Карнавал еще раз проведешь? – брякнула Валентина по простоте души.

Мэр тут же заткнулся; видимо посчитал, что казна города никак не выдержит такого испытания. Он тут же заполнил паузу еще более громкими стенаниями, из которых красавицы поняли, что они будут главными, самыми желанными гостями на очередном карнавале (по графику, и без дополнительных трат); что мэр готов отдать им, Кошкиным, свою ложу, откуда несравненная Валентина Степановна...

Дальше ни Валя, ни ее подруги не слушали. Дремота навалилась неподъемной тяжестью на веки, и они смутно слышали лишь, как Николаич прячет толпу венецианских кукол под «крышкой сундука», которую ему заменила резная деревянная дверь. Его спина, кажется, чуть напряглась, и тут же расслабилась – словно счастливый спутник сразу шести женских ипостасей расслышал их последний на сегодняшний день призыв-заклинание:

– А что это за строки зовут нас в новое путешествие?..

*Ах, сколько раз, вставая ото сна,
Я обещал, что впредь не буду пить вина,
Но нынче, господи, я не даю залога
Могу ли я не пить, когда пришла весна?³*

– Господи! – Валентина повернула голову, и увидела на столике, рядом с молотком и шпагой, бокал, полный рубинового вина.

Через мгновение она сидела на кровати, не обращая никакого внимания на то пикантное обстоятельство, что свободная ночная рубашка сползла с плеча, и обнажила почти полностью груди Валентины Степановны, которым втихаря завидовала худосочная Дуньзада. В руке утвердился тот самый бокал, содержимое которого медленно, но верно пробуждало к жизни от вселенской суши шестерых красавиц. За этим действием – и за рубашкой, и за тем, с каким наслаждением утоляет жажду супруга – с интересом наблюдал Николаич.

– Кстати, – первой отметила, наконец, Кассандра, – ведь именно он, наш супруг и повелитель, продекламировал волшебные строки, разбудившие нас. Значит...

– Это значит, – подхватил Кошкин, – что ты успела все-таки процитировать пару строк, прежде чем вырубиться от усталости и переживаний. И я уже знаю, чей талант будет направлять тебя, и... (он многозначительно подмигнул, явно намекая на царевен, с которыми сам

² (Рубаи Омара Хайяма)

³ (Рубаи Омара Хайяма)

и познакомил Валентину) всех остальных в новом путешествии. Или ты... вы больше не хотите никуда? И кстати, откуда вы принесли эту безделицу?

Николаич оторвал пальцы от клавиатуры ноутбука, и вытянул из кармана пижамной бархатной пары бордового цвета пайцзу Потрясателя Вселенной.

– Когда-то ее вот так же крутил в своих руках Чингизхан, – вполне будничным тоном сообщила Валентина.

– Да ну! – Кошкин одним прыжком оказался на кровати, рядом с супругой, – рассказывай!

Валентина Степановна, а вместе с ней и пятерка подруг предпочла бы, конечно, чтобы именно Николаич первым начал рассказывать; о строках, которые пока только покалывали в груди, не жгли ее в нетерпении. Но... любимый муж нагнулся, доставая с пола кувшин с волшебной мальвазией, заискрившейся вишневым наливом под люстрой; наполнил два бокала, один из которых тут же оказался в руках Валентины, и ей не оставалось ничего, кроме как отхлебнуть сладкого вина, и начать рассказ.

*Без меня собираясь в застолье хмельном,
Продолжайте блистать красотой и умом.
Когда чашу наполнит вином виночерпий
Помяните ушедших чистым вином!⁴*

Виночерпий-Кошкин сбился со счета, наполняя бокалы. А женщины блистали умом, а прежде того красотой, поминая тех, кого так скоропостижно покинули из дворцовой мыльни хана Хубилая. Кошкин лишь глубоко кивнул; он явно завидовал своей драгоценной половине. Недаром Николаич однажды в момент очень тесной близости признался, что отдал бы половину всех сбережений, лишь бы оказаться в неведомом прошлом... но только вместе с Валентиной. Именно это вспомнили красавицы, насладившись последним глотком из четвертого (а может, и пятого бокала). Громко икнув, и не извинившись, они ткнули общим пальчиком, украшенным безумно красивым и еще более безумно дорогим маникюром, в грудь Николаича: «Теперь ты!».

И Виктор Николаевич начал рассказывать удивительную историю жизни обычного мальчика из древнего иранского города Нишапур, который своим трудом, благочестием и талантом, дарованным Всевышним, стал всемирно известным математиком, астрономом, философом и поэтом.

– Теперь ты цитируешь именно его строки, Валюша. И имя этому великому поэту – Омар Хайям!

– Я слышала про него, – кивнула Валентина.

– А о том, что этих рубаи – так называются волшебные строки поэта – насчитывается больше тысячи, ты тоже слышала?

– И я! И я! – звонко перебила его Дуньязада, которая от нетерпения принялась приплясывать внутри Кошкиной, по-прежнему сидевшей на кровати, – и я знаю такого поэта! А это значит, мои драгоценные, что совсем скоро мы попадем...

– Ничего это не значит! – прервала ее рассудительная Пенелопа, – мало ли куда забрасывала судьба этого Хайяма?! Вон, Петрарка – земляк Дездемоны – дальше Франции не путешествовал, а его сонеты забросили нас в Китай. Может, ценитель творчества означенного Омара Хайяма погибает в какой-нибудь полярной экспедиции, и его заледеневшие губы с трудом будут выталкивать в морозный воздух самую любимую рубаи – в тот самый момент, когда мы попадем в его тело...

⁴ (Рубаи Омара Хайяма)

Четыре красавицы и Виктор Николаевич с искренним удивлением и немалым уважением выслушали эллинку, набравшуюся за короткое время поистине энциклопедических знаний. Лишь Валентина Степановна безуспешно попыталась постучать по дереву (его в кровати попросту не было); потом изобразила плевок через левое плечо, и выпалила:

– Тише ты... накаркаешь. Никакого Северного полюса! И Южного тоже! Только благословенный Древний Восток с его теплом, сладостями, базарами и прин... цессами!

Она явно предполагала пожелать: «принцами», но пожалела слабенькую нервную систему мужа, и так подвергавшуюся нешуточным испытаниям каждое ее путешествие в неведомое.

– Да будет так! – хлопнул по мягкой подушке Виктор Николаевич, и Валентина Степановна, кивнув, протянула ему пустой стакан...

Праздник в Венеции действительно оказался незабываемым. Кошкины, и их подруги веселились самозабвенно; словно чувствовали – придет миг, и они покинут этот удивительный город, чтобы не вернуться сюда больше никогда.

*Боюсь, что в этот мир мы вновь не попадем
И там своих друзей – за гробом – не найдем,
Давайте ж пировать в сей миг, пока мы живы
Быть может, миг пройдет – мы все навек уйдем.⁵*

И они пировали, веселились. Несколько разочарованной осталась лишь Дездемона, которая единственная вспомнила о гробах предков. Семейный особняк ее древнего семейства общими усилиями нашли быстро. Но теперь за красивым старинным фасадом скрывалось множество квартир, в которых жили люди, не имевшие никакого отношения к роду сенатора Брабанцио. Естественно, что все потайные дверцы, и клады (если они тут были) давно нашли новых хозяев. Так что прекрасная венецианка ничуть не возражала, когда общим голосованием было решено перебраться в более южные широты, к теплому морю. Таким, по предложению Дездемоны, стал один из арабских эмиратов.

– Какой? – спросил все-таки Виктор Николаевич.

– В какой ткнешь пальцем, – задорно выкрикнула Дуняша.

Николаич ткнул – в клавиатуру ноутбука, и на экране высветилось таинственное восточное слово «Шарджа».

– Тихий и благословенный уголок арабского Востока, – пробормотал он, – недалеко от Дубая, с его знаменитыми башнями из стекла и бетона.

– Никаких башен, – тут же хором заявили женщины в душе Валентины; естественно, ее устами, – только море, тишина вокруг, и мы!

– Ага! – пробормотал все-таки Виктор Николаевич, – тишина и Валентина – это...

Его пальцы тем временем шустро бегали по клавиатуре, подтверждая оплату отеля, трансфера, авиаперелета...

– Не забудь онклюдзив, – заглянула через плечо мужа Валентина Степановна, – и вот это вино закажи – чтобы привезли заранее.

Остатки рубиновой жидкости из бокала исчезли во рту. Шесть искушенных женских организмов довольно причмокнули и отправились собирать чемоданы...

Море действительно было чудесным – до четырех часов вечера. Вечера, потому что следом стремительно наступала тьма. Ее наши путешественницы никак не могли назвать волшебной. После заката солнца от просторов Персидского залива, от далеких иракских берегов, куда так стремилось сердце арабской принцессы, тянуло тяжелой влажной духотой – так что все постояльцы элитного отеля скрывались в номерах и ресторанчиках, в благословенной про-

⁵ (Рубаи Омара Хайяма

хладе, наваянной вполне современными кондиционерами. Единственным местом, где можно было продолжить любоваться красотами арабской ночи; громадными звездами и острым серпом луны, была беседка, вынесенная далеко в море. К ней вела узкая насыпь, о бетонные бока которой терпеливо бились волны Персидского залива.

Валентина в первый же день направилась туда, сопровождаемая семенившими следом Николаичем и хозяином отеля. Последний уже прочувствовал на своей спине дружеское похлопывание ладошек русской гостьи, пребывавшей в благодушном настроении. О том, как она себя вела раздраженной, или (не приведи, аллах!) разгневанной, Абдулла (так назвала его в первую встречу Валентина, и араб только смиренно склонил голову) даже представлять не стал. Теперь же он лепетал, после того, как Валентина Степановна, а вместе с ней пять невидимых ему красавиц продиктовали, что должно украшать столик посреди беседки каждый вечер:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.